

ТАРСКИЙ ВОЕВОДА ЯКОВ ТУХАЧЕВСКИЙ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Личность Якова Остафьевича Тухачевского (тарского воеводы в 1639–1643 гг., основателя Ачинского острога в 1641 г.) традиционно вызывает интерес у специалистов, изучающих военную историю России XVII в. Он привлекает внимание исследователей и как яркий участник «русского освоения Сибири», и как представитель известного рода Тухачевских, к которому принадлежал и Михаил Николаевич Тухачевский. В постсоветское время о маршале возник ряд «чёрных мифов», несостоятельность которых подчёркивают современные исследователи [1, с. 8–39; 2, с. 68]. Но подобное мифотворчество распространилось на семью и предков этого советского военачальника. Не исключение и Яков Тухачевский. Заметим, что Михаил Николаевич – не прямой его потомок, а происходит от младшей ветви рода; ветвь, идущая от Якова Остафьевича, пресеклась к 1736 г. [3, с. 60]. Не претендуя на полноту охвата информации, проследим, как освещается личность и деятельность Я. О. Тухачевского в постсоветской историографии.

Точный год рождения Я. О. Тухачевского неизвестен (вероятно, 1580-е гг.). Историками выявлены упоминания о нём в документах 1609–1644 гг. [3, с. 60; 4, с. 124–138]. Происходил он из смоленских дворян. В. Н. Добжанский отмечает, что по документам не прослеживается его служба до 1618 г. Предположительно, он мог быть участником 1-го и 2-го ополчений и освобождения Москвы от поляков в октябре 1612 г. [4, с. 110–111]. М. О. Акишин полагает, что Тухачевский являлся активным участником Смуты, служил разным политическим силам, в итоге присягнув Михаилу Фёдоровичу Романову, а в 1616 г. участвовал в походе русской рати под Смоленск [5, с. 313–314]. В 1617–1618 гг. воевал с армией польского королевича Владислава [4, с. 111; 5, с. 314–315]. Известно,

что после потери русскими Смоленска в 1611 г. утратившие свои поместья в Смоленском уезде «смоленские дети боярские», оставшиеся верными царю Михаилу Фёдоровичу, получили взамен, «на службу», поместья в других уездах. Так, Я.О. Тухачевскому были пожалованы поместья и вотчины в Кинешемском, Московском и Костромском уездах [3, с. 60; 4, с. 111]. С конца 1620-х гг. в результате опалы его судьба оказалась связана с Сибирью [4, с. 112]. Тухачевский последовательно служил в Томске, Таре, Мангазее, совершал походы в «киргизские земли». Умер в Мангазее 17 сентября 1647 г. [4, с. 123; 5, с. 319].

Современная историография уточняет биографию Я.О. Тухачевского. Так, долгое время считалось, что он оказался в опале в 1618 г. за участие в московском бунте казаков и служилых людей, требовавших выплаты жалованья, и был сослан в Тобольск. Этой версии придерживался омский архивист Е.Н. Евсеев, ссылаясь на некий документ Сибирского приказа без указания реквизитов фонда [6, с. 25], и ранее – советские исследователи [7, с. 42, 43]. Но кемеровский историк В.Н. Добжанский, опубликовавший комплекс документов Сибирского приказа из РГАДА, относящихся к Я.О. Тухачевскому, опровергает это представление, отмечая, что после «московского сиденья» (осады Москвы войсками польского королеви́ча Владислава в 1618 г.) имя Тухачевского в документах до 1629 г. не появляется. Между 1618 и 1628 гг. он, по всей видимости, как служилый человек участвовал в охране южных границ от вторжений крымских татар. Документы показывают, что Тухачевский был сослан с семьёй в Сибирь, причём не в Тобольск, а в Томск, именно в 1629 г. Причины его опалы неясны; по мнению Добжанского, Тухачевского подвела несдержанность в словах [4, с. 112, 125]. Ранее М.О. Акишин указывал, что в 1626 г. Тухачевский упоминается в составе государева двора среди выборных дворян по Смоленску с высоким поместным окладом в 800 четей [5, с. 315], что подтверждает его отсутствие в сибирской ссылке в то время.

Ещё одна «болевая точка» в сибирской биографии Якова Тухачевского – его дипломатическое посольство в Западную Монголию к Алтын-хану Омбо-Эрдэни в 1634 г. Тремя годами ранее Алтын-хан просил у томского воеводы князя И.Ф. Татаева помо-

щи в борьбе с Чагир-ханом. Алтын-хан хотел даже принять присягу на верность («шерт») русскому царю. Но вскоре Чагир-хан был убит, и у Алтын-хана отпала надобность в русской помощи. Тем не менее послы Яков Тухачевский и Дружина Огарков отправились к Алтын-хану за «шертной» грамотой. Считалось, что Тухачевский был назначен главой посольства «на месте», в Сибири [5, с. 316; 7, с. 43], но, судя по документам, данный вопрос был решён в Москве непосредственно государем Михаилом Фёдоровичем [4, с. 118–119, 6, с. 20]. Дипломатическая миссия русских сопровождалась многочисленными конфликтами между Тухачевским и Огарковым [8, с. 167–168]. Сейчас историки спорят, насколько успешной она стала. Так, А.Н. Милюков полагает, что «шертная» грамота, привезённая Я.О. Тухачевским, вызывает сомнения, так как на ней нет личной подписи Алтын-хана, и не вполне понятна форма присяги хана – как вассального договора или документа, декларирующего отношения между двумя союзниками. Подьячий Огарков настаивал, исходя из обряда принесения присяги, что был заключён не вассальный договор. Тухачевский и остальные члены посольства утверждали, что договор был именно «шертный». А.Н. Милюков считает, что прав в этом споре Огарков [8, с. 168].

Е.Н. Евсеев считал (ссылаясь на Огаркова), что для Якова Тухачевского удачный исход посольства к Алтын-хану был нужен для реабилитации «за прошлые вины», поэтому он пытался в весьма жёсткой форме склонить подьячего к даче нужной информации о «шертовании» хана [6, с. 21–24].

М.О. Акишин подчеркнул, что монголы воспринимали грамоту как договор «о союзе и дружбе», а русские первоначально думали, что это был договор о подданстве [5, с. 317].

Л.Ш. Чимитдоржиева отмечает, что «при посольстве Якова Тухачевского Алтан-хан Омбо-Эрдэни дал клятву на верность Русскому государю. Однако данная шерт расценивалась Алтан-ханом только лишь как дружественный союз между сторонами, но никак не подданничество», и уже в 1636 г. к хану было отправлено посольство Степана Греченина, а в 1638 г. – Василия Старкова с теми же требованиями принятия вассальной зависимости русскому государю [9, с. 15, 16].

В.Н. Добжанский считает, что русское посольство к Алтын-хану было успешным: «1634 г. Тухачевскому была поручена весьма важная дипломатическая миссия и в целом он с ней справился» [4, с. 119].

После описанного «мунгальского похода» государь велел Тухачевского, после поданной им челобитной о прощении, «взять к Москве» и, таким образом, вернул его из шестилетней томской ссылки [4, с. 119–121, 129–133]. Тухачевский вернулся в Москву 21 февраля 1637 г. [10, с. 103]. Документы, опубликованные Добжанским, опровергают выводы Евсеева о том, что Тухачевского не вернули в Москву и «Мунгальская посылка» не сулила ему наград. Евсеев полагал, что «проштрафовавшийся» Тухачевский после похода к Алтын-хану отделался лёгким наказанием и, благодаря «дефициту кадров», стал вторым воеводой Тары [6, с. 24–25]. На самом деле, вернувшись в Москву, Тухачевский консультировал руководство недавно обретшего самостоятельность Сибирского приказа по поводу «смирения» воинственных киргизов. Он был назначен воеводой в Тару не для административной деятельности, а как будущий глава похода в «Киргизскую землю», а воеводство, по мнению Добжанского, повышало его статус. Тухачевский возглавил поход на киргизов по двум причинам: его знали как опытного и решительного воина и как специалиста по киргизам и их землям [4, с. 121–122].

Несмотря на трудности похода и бегство служилых людей, Тухачевскому с небольшим количеством подчинённых удалось основать 8 сентября 1641 г. первый Ачинский острог на правом берегу реки Июс. Вопрос о месте его расположения долгое время был спорным и окончательно решён был недавно, в частности, благодаря «отпискам» Тухачевского [4, с. 122–123].

Е.Н. Евсеев утверждал, что после конфликтов со служилыми людьми в киргизском походе «Тухачевского не то, что в Москву, в стольный сибирский город Тобольск на службу не переводили» [6, с. 27]. Но, на самом деле, документы свидетельствуют о щедрым награждении Якова Осиповича за поход в «киргизскую землю» по царскому указу [5, с. 318; 11, с. 157]. А после сдачи Тарского воеводства Ф.Ф. Головачеву Тухачевский уехал в Москву [4, с. 127] и потом был назначен воеводой в Мангазею.

Таким образом, за последнее десятилетие были опровергнуты многие ошибочные представления о биографии Я. О. Тухачевского. Но недостоверная информация успела «укорениться» в публицистике. Так, при подготовке номера журнала о династии Тухачевских журналисты издательства «Де Агостини» почти дословно привели статью Е. Н. Евсеева (вплоть до эпитафия, но без указания источника) [12, с. 6–10].

Отметим, что образ Я. О. Тухачевского появился и в художественной литературе. Он стал героем серии романов кемеровского писателя В. И. Туринова о Смуте [13, 14] и освоении Сибири [15]. Автор не идеализирует своего героя, но относится к нему сочувственно, показывая его многопланово (как военного деятеля и семьянина). Описывая внешность воеводы, Туринов, по всей видимости, опирался на изображения его более знаменитого потомка М. Н. Тухачевского.

На наш взгляд, столь критичное представление о деятельности и личности Я. О. Тухачевского, возникшее в 1990-е гг., объясняется общей историографической тенденцией «ниспровержения» советского прошлого, частью которого является М. Н. Тухачевский. Для углубления его «негативного» образа «потребовалось показать» нелицеприятно и его предков. Сейчас намечается тенденция к взвешенному изучению биографии Я. О. Тухачевского на основании введения в научный оборот новых источников.

1. Шилов Н. И., Глушко А. В. Маршал Тухачевский: мозаика разбитого зеркала. – Москва: Центрполиграф, 2014. – 716 с.

2. Кантор Ю. З. «Выставка открылась в двойне неслучайном месте...» // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. – 2023. – Т. 8, № 4. – С. 65–70.

3. Минаков С. Т. Аристократ в демократии // Вестник Брянского государственного университета. – 2012. – № 2–2. – С. 59–63.

4. Добжанский В. Н. Яков Остафьевич Тухачевский в Сибири (1629–1647 годы) // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». – 2019. – Вып. 10. – С. 109–138.

5. Акишин М. О. Государевы службы Тухачевских в XVII веке // Государев двор в истории России XV–XVII столетий: материалы международной научно-практической конференции, 30.10 – 01.11.2003, г. Александров. – Владимир: Издатель А. Вохмин, 2006. – С. 312–329.

6. Евсеев Е. Н. Воевода Тухачевский // Омская старина: историко-краеведческий альманах. – Омск, 1995. – Вып. 3. – С. 17–28.
7. Резун Д. Я. Русские в среднем Причудломье в XVII–XIX вв. : (Проблемы социально-экономического развития малых городов Сибири). – Новосибирск: Наука, 1984. – 196 с.
8. Милкоков А. Н. Посольство московского дворянина Якова Тухачевского в Монголию в 1634 году // Молодой ученый. – 2011. – № 9 (32). – С. 167–170.
9. Чимитдоржиева Л. Ш. Русские посольства к монгольским Алтан-ханам. 1608–1681 гг. : автореферат диссертации канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2003. – 24 с.
10. Добжанский В. Н. Чойские горы по «распросным речам» Я. О. Тухачевского и документам Сибирского приказа РГАДА // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». – 2022. – Вып. 15. – С. 103–113.
11. Акишин М. О. Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII – начала XVIII в. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, «филиал Гео», 2000. – 400 с.
12. Знаменитые династии России: еженедельное издание. Вып. 160: Тухачевские. – 2017. – 32 с.
13. Туринов В. И. Московская разруха. – Фрязино : [б. и.], 2016. – 286 с.
14. Туринов В. И. Преодоление. – Фрязино: [б. и.], 2016. – 266 с.
15. Туринов В. И. На краю государевой земли. – Фрязино: [б.и.], 2016. –375 с.

УДК 929.53

Храпова Н. С., г. Омск

ПОСЕМЕЙНЫЕ СПИСКИ ТАРСКИХ МЕЩАН КАК ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

За последние десятилетия исполнение генеалогических запросов стало неотъемлемой частью работы архивистов, в Исторический архив Омской области каждый год поступает более двух тысяч подобных обращений граждан. Часто они начинаются с уточняющих вопросов, например, установления отдельных дат, событий, определения национальности, места жительства до переселения в Омскую область предка, а далее перерастают в глобальные исследования с привлечением всего многообразия архивных источников.

© Храпова Н. С., 2024